

Михаил
СЕРЕГИН

Танец гюрзы

Вольный стрелок

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Михаил Георгиевич Серегин

Танец гюрзы

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167326
М.Серегин Танец гюрзы: Эксмо; Москва; 2001
ISBN 5-04-006452-7*

Аннотация

Убийца всегда на ход впереди. Владимир Свиридов, в прошлом «государственный киллер», отлично это знает. Знает и то, что человек, задумавший истребить семью бизнесмена Знаменского, так просто инициативы не упустит. Значит, необходимо что-то придумать, чтобы опередить убийцу и взять его с поличным. Для этого надо очень сильно рисковать. Но кто не рискует, тот не пьет шампанского...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	38
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Михаил Серегин

Танец гюрзы

Пролог

Смерть нежна

Огромная темная фигура вынырнула из переуллка и двинулась к двухэтажному зданию, залитому неоновым светом многочисленных вывесок и снопом разноцветных лучей, вырывающихся из проемов арочных окон.

Самой огромной была неоновая надпись «Хамелеон», увенчанная светящимся красным контуром фигурки какого-то зверька, представлявшего собой нечто среднее между крысой и змеей.

Вероятно, по мысли дизайнеров, именно так должно выглядеть животное, по имени которого и был назван ночной клуб.

Впрочем, человек в черном не направился к входу в клуб, возле которого прямо на ступеньках сидела обнявшаяся парочка и довольно откровенно выказывала свою приязнь друг другу. Быть может, не направился потому, что из дверей клуба вышел свирепый охранник и прогнал парня с девушкой. Но возможно, и по иной причине.

Человек обошел клуб и приблизился к решетке, за которой находилась VIP-автостоянка, совсем недавно оборудованная хозяевами клуба. Она была заперта, но темная фигура одним движением перемахнула более чем двухметровую ограду и двинулась дальше.

А навстречу нарушителю уже бежал рослый охранник. Он подлетел к человеку в черном и с размаху ударил его в грудь:

– Куда ты прешься, дятел?!

С таким же успехом он мог ударить в гранитную скалу.

Словно разжатая мощная пружина, вперед выбросилась сильная рука, и стальные пальцы, сжав шею незадачливого стража автостоянки, сломали ее с легкостью, с которой ребенок ломает хрупкую игрушку.

Тот захлебнулся кровью, и тотчас же убийца отшвырнул его к задней стене клуба, погруженной во мрак, словно охранник был плюшевой игрушкой, а не рослым и массивным мужчиной.

На внутренний двор выходили несколько окон второго этажа, но только одно из них светилось слабым зеленоватым светом.

К тому же оно было приоткрыто.

Именно оно привлекло внимание человека, который только что убил здорового амбала, словно придушил котенка. Он поднял голову, и свет упал на его лицо.

На нем были черные солнцезащитные очки.

Хотя ни о каком солнце не шло и речи – был час ночи, –

а двор клуба, в отличие от его парадного входа, освещался только одним полукиловаттным фонарем.

Человек вынул из-под куртки моток тонкого троса с металлическим наконечником замысловатой формы на конце, отдаленно напоминающим рыболовный крючок, и, коротко размахнувшись, бросил его в стену.

Судя по тонкому свисту и невероятной скорости, с которой наконечник мелькнул в воздухе, бросок был исполнен прекрасно тренированной рукой, причем с такой силой, что наконечник вошел в кирпичную стену, как в масло.

Человек с силой потянул за трос, проверяя, прочно ли зафиксирован наконечник, а потом легко и бесшумно, как кошка, поднялся по стене и заглянул в окно.

Его глазам предстала следующая картина.

Комната была одной из двух в типовом гостиничном номере люкс, и хотя в ночном клубе «Хамелеон» гостиничные, естественно, услуги не предоставлялись, человек, находящийся в данный момент в этих апартаментах, очевидно, не относился к числу простых смертных.

Цепкие глаза за черными очками выхватили участок комнаты, где и находился этот «не просто смертный».

...Мужчина крепкого телосложения, уже лысеющий и седеющий, но с бугристой мощной спиной, стоял перед столиком, на котором лежала обнаженная девушка. Если учитывать, что и на мужчине ничего не было, то несложно было

предположить, чем они собирались заняться.

В тот момент, когда человек в черном бесшумно проскользнул в окно и стал за занавес, девушка громко простонала, почти вскрикнула и судорожно сцепила руки на шее склонившегося над ней мужчины.

Человек в черном вынул серебристый пистолет с глушителем, его пальцы быстро пробежали по обойме. Он делал все четко, выверенными движениями, даже не глядя при этом на пистолет. Его движения были какими-то слишком автоматическими и отрывистыми, как у заведенной куклы.

Возможно, он был под воздействием какого-то сильного наркотика.

Тем временем парочка на столе уже подбиралась к пику наслаждения.

Движения мужчины набрали еще большую амплитуду, став еще порывистей и резче, будоражащие стоны девушки сползли до стонающих всхлипов, раз за разом выхлестываясь до какого-то беспомощного щенячьего визга. Пистолет в руке черного человека медленно поднялся на уровень лысеющего затылка мужчины, и, когда пара на столе дошла до апогея и из груди потенциальной жертвы вырвался низкий стонущий рев, киллер выстрелил в голову мужчины.

Негромкий хлопок захлебнулся в воплях раскочегарившейся девушки и наплывшей волне чувственной музыки, которая негромко звучала в апартаментах.

Мужчина на мгновение застыл в воздухе, а потом его про-

стреленная голова ткнулась лбом в грудь любовницы, тело обмякло, и перебитыми плетями обвисли руки.

А девушка блаженно закрыла глаза и, широко раскинув тонкие руки, пробормотала:

– Дорогой... это было... великолепно...

Она даже не поняла, что ее любовник уже несколько секунд как мертв. Ведь такое его поведение было естественно в подобной ситуации.

Черный человек перчаткой смахнул след своей ноги с подоконника и исчез во тьме за окном.

Глава 1

Почему гроб не стоит ставить «на попа»

– Та-а-ак, – мрачно протянул Свиридов, глядя на скорчившуюся в углу дивана огромную фигуру Афанасия Фокина. – Блестяще. И за какие же это такие заслуги твой дядя отправляет тебя на другое место работы?

– Да я тут ни при чем, – сказал тот. – Во всем виноват мерзкий дьячок Повсикакий. Эта патлатая тварь напоролась, как последняя свинья... нет, такой свиньи не найти, чтобы она вела себя, как этот блядский выкормыш Повсикакий...

– Ну, дальше.

– А что дальше? Дальше мне нужно было служить литургию, а я еле это самое... на ногах держусь. И ни одной службы наизусть не помню. Я Повсикакию говорю: ты мне дай текст этого бреда, который я там перед прихожанами произносить должен. Он говорит: «Понял, батюшка отец Велимир. Шас посмотрю в ризницкой и представлю...» Гнида!!!

Отец Велимир феерически выругался и грохнул массивным кулаком по журнальному столику так, что он, жалобно хрястнув, развалился. Причем одна из ножек угодила в катающуюся на занавесках обезьянку по прозвищу Наполеон. Обезьянка заверещала и убежала в соседнюю комнату.

– Дьячок Повсикакий, конечно, мерзавец, но зачем же мебель ломать, Афоня? – неодобрительно проговорил Владимир. – И обезьяну чуть на тот свет не отправил. Зачем обижать животное? Все-таки твой предок, если, конечно, верить Дарвину.

Фокин даже не взглянул в сторону двери, куда с воем выбежал ошарашенный Наполеон (такое прозвище мартышка получила за свое пристрастие к ношению старинной треуголки, в точности соответствующей той, которая была у великого французского императора).

– Предок? – проворчал он. – А... ну да... это когда в академии нас учили по Артуру Кестлеру, что человек – плод злокачественной мутации орангутанга.

– Ну, так что же дальше? – спросил Свиридов, игнорируя замысловатое рассуждение служителя православной церкви.

– А дальше он подсунул мне какую-то книжку... или че там это... и пальцем ткнул, что надо читать... хотя я, признаться, тогда как-то не очень... буквы в глазах расплывались, да и вообще до амвона на автопилоте дошел.

Владимир мрачно захохотал.

– Значит, начинаю службу... зачитываю несколько фраз... упорно не понимаю, что я там такое читаю... только мне кажется, что по залу прокатывается какой-то апокалиптический гул. Ну, думаю, допился до белой горячки, болван. Поднимаю глаза и вижу, как на меня из тумана выплывают два бабских лица, значит: одно хохочущее... так радостно,

словно ее в комнате смеха пять часов продержали... аж багровая вся, в конвульсиях содрогается. А второе злобное. Такая почтенная старая мегера с утиным носиком и скорбно сложенными губками. «Оспи-и-иди! – думаю. – Что же это такое?» Потом оказалось, что я сидел на этом самом амвоне на корточках и читал статью из «Пентхауза» про оральный секс.

Свиридов беззвучно захохотал, закинув голову на спинку кресла. А Фокин, скромно улыбнувшись, подвел итог своей знаменитой литургии:

– Двое певчих поддерживали меня под мышки, чтобы не свалился на прихожан. Потом они же меня и увели. Причем, как оказалось, я вырывался и орал: «Общество „Память“, русский террор, вешай жидов и Россию спасай!» Главный певчий – Кабанов – на меня очень обиделся. Оказывается, его настоящая фамилия никакой не Кабанов, а Коган и что его папу звали Абрам Самуилович. А сам-то он по паспорту пишется не какой-нибудь там Моисей Абрамович, а Антон Анатольевич.

– Н-да-а-а, Афоня, – с трудом переводя дыхание от смеха, выдавил Владимир. – Этот случай даже в твоём обширном эпатажном репертуаре – жемчужина.

Фокин, хитро прищурившись, сказал:

– Да, но выгнали-то меня вовсе не за это...

– Как не за это? Ты что... учудил что-то еще похлеще?

– Ну да, – скромно ответил отец Велимир. – Правда, там

не только я один чудил... Именно в тот день, когда произошел скандал на литургии, я должен был отпевать какого-то важного покойника из администрации губернатора. Неизвестно, на какой должности работал этот господин в администрации, потому как по своим габаритам он подходил разве что для элитного вышибалы в продвинутом ночном клубе: здоровенная туша, длиной около двух метров, плечищи из разряда «косая сажень», физиономия – как у раскормленного породистого бульдога. В общем, такого в обычный гроб явно не упакуешь.

Проживал этот кадр из госструктур в центре города, в двух минутах ходьбы от Воздвиженского собора, в котором – как ты, надеюсь, помнишь – я служил, в шестнадцатизэтажном доме, причем на четырнадцатом этаже.

С помощью двух церковных служек я благополучно прибыл на место выноса тела, вывалился из епархиального «двухсотого» «мерса», произведя самое наиболее приятное впечатление своей атлетической статной фигурой и породистым бородатым лицом.

Я сделал все, как надо, – помахал кадилом и глубоким трагическим басом драматического оперного певца провозгласил: «Мир вам, дети мои!»

Потом поднялся наверх, в квартиру, сделал все положенное по ритуалу, вернулся обратно на улицу и величественно застыл во главе толпы безутешных родственников, дожидаясь выноса клиента.

И вот — когда все провожающие усопшего в последний путь собрались в полном составе, когда роскошные венки с траурными лентами с золотыми надписями уже украшали ступеньки подъезда, когда приглашенные музыканты уже взяли инструменты на изготовку и яростно надули щеки, — вот в этот-то скорбный момент по толпе прошелестела весть, что возникла маленькая техническая заминка.

Как уже упоминалось, покойный был очень представительным, осанистым и грузным мужчиной, а дубовый гроб, в котором он возлежал, был просто колоссален и соответственно неподъемен. Грузовой же лифт, в котором и предполагалось изначально транспортировать гроб, как это часто бывает, оказался безнадежно сломанным.

Конечно, оставался еще и пассажирский лифт, но в него внушительный гроб не уместился бы ни при каких условиях. Даже будучи поставленным «на попа».

Последнее предложение почему-то развеселило оркестр, который сообразно моменту уже успел принять горячительных напитков.

Никто не знал, что делать, родственники нервничали, я с музыкантами выпил за упокой души раба божьего. Хорошие, надо сказать, ребята попались. В конце концов мы сели на находящуюся поблизости детскую карусель и начали поминочное действо. С нами был и один из церковных служек, который был водителем епархиального «мерса».

Тем временем организационный комитет с лихорадочным

жаром обсуждал, что делать.

Вынесение гроба по лестнице исключалось: лестничные пролеты многоэтажных домов, даже новейшей постройки, не предназначены для таких широких маневров.

Пришедшая в чью-то не совсем здоровую или, что более вероятно, не совсем трезвую шальную голову идея спустить гроб на веревках из окна тоже не впечатлила оргкомитет и родственников. Во-первых, не представлялось возможным достать канаты такой длины, а во-вторых, наличествовал чисто этический момент: скажем, выходит какая-нибудь старушка на балкон развешивать белье, а мимо нее во всем inferнальном великолепии торжественно проплывает здоровенный гроб.

Тут, не дай бог, и вторые похороны могут состояться.

Вот мы с моим новым другом кларнетистом Никашкой и предложили новый метод решения проблемы: взять усопшего под белые ручки, вынуть из гробика и проехать с ним в пассажирском лифте.

А уж пустой гроб в два счета стащат по лестнице. И уже на последнем пролете уложат покойника обратно в гроб и чин чинарем вынесут из подъезда.

Предложение было принято.

Но вот найти достойную кандидатуру на роль почетного труподержателя оказалось не так легко. Я предложил возложить эту завидную миссию на главного наследника, который больше всего выгадал от смерти работника городской адми-

нистрации, но, увидев его узенькие плечики, цыплячью грудку и постную рыбью физиономию, немедленно отказался от этой цели.

Дело в том, что покойника нужно было постоянно удерживать от падения, а это было под силу только очень сильно-му физически человеку. И я, Володька, не выдержал и про-изнес: «Стучите, и отворят вам... ищите, и найдете. Поелику вопрошахом... в общем, так, дорогие россияне: я проеду с усопшим, мир его праху, в лифте, а вы приплюсуете к моему гонорару скромную мзду».

И меркантильно назвал сумму.

Несложно предположить, что измучившиеся родственники с радостью, хотя не без изумления, согласились на это предложение.

Кларнетист Никашка, который из всех музыкантов был самым пьяным, присоединился ко мне.

Друзья-музыканты и церковный служака, помогая нам загрузиться в лифт, наперебой выдавали остроты касательно того, как будет весело, если кто из жильцов нижних этажей остановит лифт для подсадки.

«Вот, можно сказать, и поставили „на попа“, – сказал ди-рижер оркестра, кривясь от с трудом сдерживаемого гомери-ческого смеха.

Лифт тронулся и почти немедленно застрял между деся-тым и девятым этажами, потому что, рассказывая Никаш-ке утреннюю историю про чтение «Пентхауза» на литургии,

мне пришлось несколько раз подпрыгнуть.

Мы с Никашкой просидели в застрявшем лифте около часа. Мне к тому же пришлось постоянно удерживать труп от падения и травить анекдоты про попов и покойников, но Никашке почему-то смешно не было. Он даже не хотел пить джин из плоской бутылочки, которую – ты знаешь – я всегда ношу при себе.

Впрочем, в компании с покойником не было скучно – время от времени он выскальзывал из рук и падал на Никашку. Несчастный музыкант сдавленно стонал от ужаса и неотступно трезвел.

Когда нас вызволили, несчастный кларнетист находился в состоянии, близком к столбняку. Он неотрывно смотрел в одну точку и бормотал что-то про маму и про то, как она была права, когда советовала ему поступать не на духовое отделение консерватории, а по классу фортепиано.

А теперь представь себе, Володька, – с жаром продолжал Фокин, машинально бросая кусочками апельсинной кожуры в обиженно гримасничающего Наполеона, – какие лица были у родственников и толпы любопытных зевак, собравшихся на переполох, когда после более чем получасового – и напрасного! – ожидания в подъезде бедные гробоносцы вышли на улицу с пустым гробом! Паника была еще та!

Чтобы найти, где именно находится лифт с парочкой Фокин – Никашка и их ценным грузом, а потом выловить спеца, способного быстро починить лифт, потребовалось нема-

ло времени.

Увидев лицо Никашки, все поняли, что дело плохо. Возможно, от постоянных падений на него покойного у несчастного кларнетиста поехала крыша.

Его тут же отправили в больницу, а его место в оркестре занял я. Ты же знаешь, Володька, как я недурно играл на флейте, а уж на кларнете сыграть – пара пустяков!

Отказать мне не могли, хотя и пытались.

Зрелище было еще то. В составе похоронной процессии шел совершенно пьяный оркестр и, едва-едва удерживая хохот, гнусаво дудел в свои инструменты, а впереди вышагивал я, размахивая кадилом и выдувая из кларнета звуки, которые знатокам Ветхого завета наверняка напомнили бы о трубе Иисуса Навина, в результате игры на котором рухнули стены Иерихона.

Правда, я запаздывал на три такта, но это придавало «Траурному маршу» Шопена просто-таки авангардное звучание.

Безутешные родственники шли на подгибающихся от смеха ногах, судорожно закрывая лица рукавами и платками и давась от скомканного беззвучного хохота, а горе-оркестранты с багровыми все от того же чудом сдерживаемого смеха лицами все-таки выдували траурные звуки, находясь буквально в одном шаге от истерического припадка.

На кладбище во время панихиды я успел провозгласить «вечную память» и упал в яму, вырытую для другого покойника, которому суждено было стать соседом многострадаль-

ного работника администрации в его последнем приюте.

В яме я совершил несколько судорожных скачкообразных прыжков, на манер того, как это делает хомячок, посаженный в трехлитровую банку, и, осознав наконец весь трагизм своего положения, продолжил траурную службу уже из могилы.

И тут музыкантов одолел необоримый, уже давно подавляемый хохот.

Один за другим музыканты валились на землю и корчились в беззвучных конвульсиях. Вскоре то же самое произошло и с большинством родственников – включая вдову! Вероятно, ее нервы просто не выдержали безумного наплыва эмоций, потому что она села у могилы своего мужа и разразилась совершенно безумным жутким хохотом, словно разрывавшим ей легкие.

– Ты только представь, Володька, – скорбная процессия, два тромбониста, скрипач – единственные из оркестра, кого не одолел хохот, – тихо корчащийся в истерическом припадке дирижер, выдающий странные пассы руками... помирающие от смеха родственники, а из ямы, под звук одиноких тромбонов и гнусавой скрипки, доносится мой бас...

Закончив церемонию, я отхлебнул из бутылочки, свернулся в могиле калачиком и мгновенно уснул.

Как меня поднимали наверх – не помню...

А на следующий день, то есть вчера, меня вызвали в управление епархии к митрополиту Филарету, моему двою-

родному дядюшке, и с громом и молнией сообщили, что на меня подали жалобу несколько родственников покойного... Это, наверно, из тех, кто не смеялся... и потребовали немедленно уволить меня как позорящего высокий священнический сан. Дядя сказал, что совсем лишать меня сана не будет, а просто переведет по договоренности в другую епархию, куда-то в Нижегородскую область... с понижением в дьяконы.

Свиридов отчаянно хохотал, не в силах произнести и слова в ответ.

* * *

За все эти выходки теплым мартовским днем Афанасий Фокин с понижением в дьяконы был отправлен на житье-бытье в Нижний Новгород.

Если бы он только знал, в какую дьявольскую свистопляску попадет и как жутко завертит его и близких ему людей судьба, то наверняка отказался бы от этой поездки и предпочел, чтобы его вообще лишили сана.

Глава 2

Опасные глаза

– Ты знаешь, кто звонил буквально несколько минут назад? – спросил Свиридов у своего младшего брата, который тщетно пытался поймать и водворить в клетку кружащегося по всей комнате попугая Брателло. Последний с хриплым клекотом рассекал воздух, оглашая пространство комнаты пронзительными воплями «Ррразведем лоха, брррратва!» и «Отдай герррру, шмаррра!». При этом он грассировал подобно породистому парижанину.

– Кто? – недовольно спросил Илья, очередной раз упустив мерзкую птицу.

– Да отстань ты от него, – сказал Владимир. – Чего он тебе сдался?

– Да эта гнида у меня цепочку свистнула! Опять клювом распотрошит, и чини тогда!

Владимир посмотрел на злобную птицу: в самом деле, нашее попугая – в полном соответствии с его грозным криминальным именем – болталась тонкая золотая цепочка с крестиком, подаренная младшему Свиридову Фокиным в ту пору, когда Афанасий еще служил в Воздвиженском храме.

– Эту сволочь убить мало, – продолжал развивать плодотворную тему Илья. – Мало того, что редкая скотина, так

еще и скотина с крыльями.

– Говоришь, убить мало? – лениво проговорил Свиридов, дотягиваясь правой рукой до своего любимого пневматического пистолета. Он только что плотно пообедал и потому благодушествовал. – Что, Илюха, может, подстрелить его... и дело с концом?

В устах любого другого человека, предлагающего подстрелить неистово кружащуюся и просто беспорядочно мечущуюся по комнате птицу, подобные слова прозвучали бы неуместной похвалой и желанием покрасоваться. Но Илья Свиридов прекрасно знал, как стреляет его брат и как свободно, почти не целясь, он подстреливает опрометчивых домашних тараканов, рискнувших выбежать на обои в поле зрения Владимира (Фокин утверждал, что он их нарочно разводит, чтобы было на ком практиковаться в стрельбе).

Поэтому младший брат протестующе замахал рукой и быстро проговорил:

– Да что ты такое говоришь! Щас он сам утихомирится. Кто там, ты говоришь, звонил?

– Звонил Фокин, – ответил Владимир. – Он приехал в город и теперь горит желанием нас навестить.

– Афанасий вернулся! – с блеснувшей в глазах радостной искоркой воскликнул Илья. – Два месяца ни слухом ни духом, и вдруг на тебе – выкатился свет ясен месяц на простор речной волны.

– Не месяц, а расписные Стеньки Разина челны, – лениво

уточнил Володя. – На машине из Нижнего приехал. О-па! Не он ли это, случаем? – прибавил он, потому что в этот момент раздался звонок. – Иди-ка открой, Илюха.

– Открой-ка лучше ты... не видишь, я занят. Эту тварь надо все-таки выловить.

Свиридов не стал спорить, а сунул ноги в мягкие тапочки в виде двух львов, которые Фокин почему-то называл педерастическими, и пошел открывать дверь.

Щелкнул замок, дверь распахнулась, и на пороге появилась огромная статная фигура, облаченная в дорогой черный пиджак, ладно пригнанный по фигуре и сообщавший ей стройность и элегантность.

– Ну, здорово, Афоня! – широко улыбнувшись, сказал Свиридов. – Проходи!

Они обнялись, Фокин басовито рявкнул:

– Рад тебя видеть, дружище!

Фокин приехал не один. С ним была высокая, стройная, темноволосая женщина в сером деловом костюме, с бледным и, как показалось Владимиру, холодным лицом с несколькими неправильными чертами. Она шагнула вперед, и Свиридов увидел, что у нее огромные темно-зеленые глаза, мягкий подбородок и яркие чувственные губы, вероятно, особо ценные Афанасием.

Сам же Афанасий изрядно изменился. Он сбрил бороду, оставив только стильную трехдневную небритость, а волосы, которые должно оставлять любому священнику, зачесал на-

зад и завязал, и теперь до пошлого походил на ортодоксальных итальянских мафиози в голливудских боевиках – этих серьезных мужчин в черных костюмах, с зачесанными назад гладкими набриолиненными темными волосами, курящих сигары и разговаривающих короткими внушительными фразами.

– Хорошо выглядишь, Афоня, – сказал Владимир. – А что же ты не представляешь меня даме? Насколько я могу судить, мы с ней незнакомы.

Фокин как-то сразу помрачнел. Ослепительная улыбка сошла с его лица – хотя, надо отметить, Свиридов не произнес ничего недозволенного, предосудительного или тем более оскорбительного.

– Это Полина, – коротко сказал он, быстро посмотрев на женщину и переведя взгляд на Владимира. – Поля... это Владимир, мой друг. Мой лучший друг, – прибавил он каким-то особенным, многозначительным тоном, акцентировавшись на слове «лучший».

– Очень приятно, – сказал Свиридов, и в ответ мелодичный голос темноволосой женщины проговорил:

– Мне также, Володя. Афанасий много говорил о вас. Только... только я представляла вас немного иным.

– Каким же?

– Сложно сказать. По рассказам Афанасия вообще сложно составить однозначное впечатление. Таким... таинственным, что ли. Каким-то байроновским героем, перенесенным

в современность.

«Ну-ну, лепи, мымра», – саркастически проскрежетало в мозгу, и Свиридов поймал на себе пристальный темный взгляд прищуренных глаз Фокина.

«Да, Афанасий изменился не только внешне, но и внутренне, – отметил Владимир. – Он стал каким-то... скрытным, что ли. Эта нездоровая многозначительность никогда раньше не присутствовала в поведении Фокина...»

– Ну что, Афоня, все еще отправляешь культ или уже перешел на сугубо светские занятия? – спросил Володя, жестом предлагая гостям пройти в комнаты.

– Да какое там... – неопределенно отмахнулся тот. – В храме я... дьяконом. Куда дядька сплавил, там и торчу. А-а-а, Илюха! Здорово!

Этот возглас Фокина был вызван появлением торжествующего Свиридова-младшего в одних трико с болтающимися коленями и с золотой цепочкой на шее – той самой, которую коварно умыкнул попугай. Сама же птица, угрюмо нахохлившись, находилась в руках Ильи.

Обвившись вокруг правой ноги, к младшему Свиридову плотно присосался второй член домашнего зверинца – обезьяна Наполеон.

– А, здорово, Афоня, ежкин перец! – воскликнул Илья и тут же, увидев перед собой молодую женщину, о присутствии которой в своей квартире до сих пор не догадывался, выдавил благожелательную улыбку и, придерживая спа-

дающие под весом Наполеона трико, поспешил ретироваться. Вероятно, для того, чтобы одеться более прилично.

– Располагайтесь, – пригласил Владимир. – Что будете? Кофе, ликеры? Может, по рюмочке за знакомство?

– Да, пожалуй, – ответил Афанасий. – Тебе чего, Поля? Водку будешь?

– Почему бы и нет, – чуть нараспев, растягивая слова, ответила та. – В конце концов, мы же в России, а не в Лос-Анджелесе, из которого недавно вернулся мой брат. Говорит, что если попросишь бутылку водки – немедленно вызовут «Скорую помощь» и госпитализируют. Причем в психиатрическую клинику.

К этой невесте к чему сказанной тираде больше всех прислушивался попугай Брателло. Он сидел на абажуре лампы, с умным видом склонив голову в сторону говорящей и подогнув под себя одну лапку. Потом подпрыгнул и гаркнул едва ли не в самое ухо Полине:

– Отдай герррру, шмаррра!!

Та вздрогнула:

– Что он сказал?

– Он сказал: «Отдай геру, шмара», – снисходительно пояснил Афанасий. – В смысле: отдай героин, нехорошая женщина. У него вообще такой... социально ориентированный репертуар. Недаром у него прозвище Брателло.

– У вас много животных, Володя, – сказала Полина. – Я смотрю, у вас есть еще обезьяна...

– ...и кот, – добавил Фокин. – А раньше были еще вторая обезьяна по прозвищу Папа Зю... ее Наполеон мочил вовсю, и Илюха ее отдал каким-то знакомым... и еще какая-то собака. Она то ли сдохла, то ли сбежала.

Фокин имел в виду одноглазого эрдельтерьера по кличке Кутузов, который в полном соответствии с историческими параллелями не на жизнь, а на смерть враждовал с хвостатым Наполеоном. Впрочем, на редкость проворный и ушлый Наполеон изменил-таки ход истории (как мы помним, исторический Наполеон Кутузову проиграл, правда, с треском разбив его при Аустерлице) и выжил Кутузова из квартиры Ильи почти тем же манером, что и Папу Зю.

– Вы любите животных? – дежурно спросила Полина.

– Не я люблю животных, а мой брат Илья, – ответил Свиридов. – А я животных, наоборот, отстреливаю.

Полина взмахнула длинными ресницами:

– Простите... вы охотник?

Сидящий рядом с ней Фокин засмеялся:

– Угу... охотник. Охотник на тараканов. Я всегда говорил, что он их нарочно разводит, чтобы было по кому стрелять.

– Ладно, – сказал Свиридов, – сейчас принесу с кухни все, что надо. Одну минуту.

Как только он вышел, Полина посмотрела на Афанасия и хмуро произнесла:

– Что-то не похож он на человека, о котором ты мне говорил. По твоим рассказам, он просто супермен какой-то, а

тут – обычный мужик. По тараканам стреляет. Гм... детство чистой воды. И зоопарк этот... Хотя, конечно, красивый, ничего не ска...

– Не бурчи, Поля, – перебил ее Фокин. – Я знаю, о чем говорю. Этот, как ты выразилась, впадающий в детство охотник на тараканов – самый совершенный боец, какого я когда-либо знал. А знал я их, как ты сама понимаешь, немало. Впрочем, это легко может подтвердить твой брат. Он ведь точно так же, как и я, был штатной единицей «Капеллы». А там были только лучшие. Элитные офицеры спецназа ГРУ. А ты говоришь – обычный мужик. Какой же он должен быть? С двумя херами, что ли?

Этот грубоватый юмор Фокина вызвал у Полины только легкую улыбку и чуть недоуменное пожимание хрупкими изящными плечами.

Фокину всегда нравились узкие женские плечи...

* * *

Афанасий говорил Полине правду.

И в то же самое время он многого недоговаривал.

Фокин сказал о том, что он и Свиридов в самом деле являлись бывшими офицерами секретнейшего спецотдела ГРУ под звучным наименованием «Капелла». И о том, что ныне Владимир Свиридов пребывал в отставке и пробавлялся случайными заработками.

Он упоминал о том, что Илья, работающий в сфере модельного бизнеса, иногда привлекал к этому своего брата, обладающего идеальной фигурой, хотя Владимир был слишком ленив, чтобы закрепиться на определенном поприще и терпеливо, кропотливо и упорно взбираться по карьерной лестнице, обеспечить себе солидный счет в банке, спокойное и безбедное житье на закате лет и снискать всеобщие почет и уважение.

Но Фокин не сказал, что у его друга было свое поприще, свой род занятий.

Потому как этот самый род занятий Свиридова характеризовался одним выразительным и все более народным словом – «киллер».

Причем киллер высочайшего класса, работающий только по особым заказам.

А отчего бы ему, этому классу, не быть высоким после обучения в высшей школе ГРУ Генштаба и последующей многолетней учебы, стажировки и работы в уже упоминавшемся элитном отделе Главного разведывательного управления под красивым музыкальным названием «Капелла».

«Музыканты», разучивающие «романсы» в этом отделе под руководством опытейшего «дирижера», матерого волка внешней разведки полковника Платонова, считались самыми совершенными и непревзойденными убийцами на территории всего бывшего Союза. Четырнадцать человек, четырнадцать офицеров ГРУ в звании от лейтенанта до капитана.

Государственные киллеры.

Они выполняли заказы государственных спецслужб до расформирования отдела «Капелла» в 1993 году в связи с реформированием силовых структур России и невозможностью дальнейшего финансирования этой элитной группы офицеров, обходившихся они как недешево. После этого экс-капелловцы в полном составе направились в Чечню, где выполняли специальные поручения диверсионного плана.

Надо отметить, не без успеха, в отличие от общей картины событий на чеченском фронте.

После ранения Свиридов оставил военную службу, но ненадолго. Обстоятельства сложились так, что он вынужден был продолжать зарабатывать себе на жизнь кровью и смертью других людей.

Смерть не желала отпускать своего верного и безотказного служителя.

Но неверным будет утверждать, что после многих лет Владимир превратился в некое живое подобие терминатора, косящее все на своем пути и несущее ужас и гибель. Очень красноречиво по этому поводу выражался его старый друг Афанасий Фокин, ныне принявший сан и служащий литургии в соборе (он чистосердечно полагал, что это может искупить грехи его бурной и кровавой молодости). Он частенько называл Свиридова не иначе, как Робин Гудом. Правда, без привнесения той мессианско-освободительской наивности, которыми в контексте современности окутана личность

легендарного шотландца, героя сотен баллад.

В свою очередь Владимир именовал Фокина братом Туком – монахом-забуддыгой, постоянным спутником Робин Гуда. Надо сказать, что Афанасий, принявший в связи с возведением в сан имя отца Велимира, куда больше смахивал на Тука, чем Свиридов на Робина.

* * *

В тот момент, когда Афанасий произносил свою заключительную фразу – про гипотетическую необычность анатомии Свиридова, в частности его мочеполовой системы (это про «мужика с двумя херами»), – в комнату вошли одновременно Илья в приличных брюках и рубашке и Владимир с подносом, на котором стояли бутылка водки «Кристалл», бутылка джин-тоники, ваза со льдом, пакет яблочного сока и ваза с апельсинами и грушами.

– Сойдет? – спросил он, ставя поднос на столик.

– Сойдет, – ухмыльнулся Фокин. – Наливай, Володька. За встречу.

Пока Владимир наливал, Илья усиленно пялился на Полину. При этом он, как весьма прожженный женолюб – несмотря на свои двадцать три года, – смотрел сквозь опущенные ресницы, что делало его взгляды почти незаметными.

Та в самом деле была красива, несмотря на то что ее черты

нельзя было назвать классическими, но вот глаза... Большие, необычного разреза, чуть раскосые, эти глаза были словно подернуты мутноватой зеленой дымкой – как два омута спокойной и холодной воды, в которых за налетом ряски таится притягательная, жуткая, слепая бездна. И если она открывается, то не отпускает уже никогда.

Опасные глаза.

Женщин с подобной внешностью и глазами, словно подернутыми влажной пеленой, обычно называют довольно пошло – роковыми.

Впрочем, во внешности «роковой» спутницы Фокина не глаза интересовали Илюху. Его взгляд довольно откровенно блуждал по ее высокой груди, обтянутой тонкой блузкой, и длинным ногам в узкой, выше колен, юбке.

«Да, – рассуждал про себя Илья, – этот Фокин всегда умел выбирать настоящих самок».

Поговорив несколько минут о несущественных вещах, вспомнив мелочи, обсуждение которых всегда предшествует важным разговорам, Афанасий предложил тост за дружбу, а потом, почесав за ухом, произнес:

– Вообще, Владимир, мы приехали к тебе не просто так.

– Да я уж понял, – негромко отозвался Свиридов. – Ну, говори, что у тебя там.

– У меня сегодня... машине крыло поцарапали, – неожиданно сказал Фокин и одним коротким движением выплеснул содержимое бокала в свою глотку. Потом закурил сига-

рету (точнее, сигариллу – маленькую сигару) «Captain Black» и, глубоко, неумело затянувшись и выпустив струйку дыма, перекинул ее из одного угла рта в другой, только потом добавил:

– А мусор с меня штраф взял... сука.

Свиридов прекрасно знал, что Фокин курит только тогда, когда волнуется. Ну, и когда примет огромную дозу спиртного...

Сейчас Афанасий был абсолютно трезв. И потому все эти терзания сигареты могли свидетельствовать только об одном: начиная говорить о каком-то важном для него деле, Фокин чувствовал себя не в своей тарелке.

Владимир быстро посмотрел на спокойную Полину, а потом сказал:

– Знаешь, Афоня, ты мне напоминаешь жену Шурика из «Иван Васильевич меняет профессию». Она там говорила: я должна сообщить тебе ужасную новость. Дескать, у меня сегодня в кафе увели перчатки... и еще я полюбила другого. Так что давай сразу... без всяких этих предисловий и пропедвтик.

– Лучше я скажу, – проговорила Полина. – Дело в том, что еще неделю назад я могла считать себя самой счастливой женщиной на свете. У меня была замечательная семья, достаток в доме, сбалансированная жизнь... наконец, любимый человек, – она выразительно посмотрела на Афанасия, – и вдруг в один прекрасный день все это рухнуло, как по взмаху

волшебной палочки...

Она налила себе водки и, не добавив ни джин-тоника, ни льда, выпила одним глотком, смешно поморщилась и тут же продолжила: – Дело в том, что неделю тому назад убили моего отца, Валерия Знаменского, одного из самых известных предпринимателей Нижнего. А убили отца, Володя, на похоронах его компаньона, Ивана Андреевича Кириллова. Они были совладельцами фирмы «Элизеум» и банка «Астрал». Очень мощной финансовой структуры. И вот теперь эта структура фактически обезглавлена. Если не считать того, что сейчас делами управляет мой брат, Роман Знаменский. Вам должно быть знакомо это имя, Володя...

– Извините, Полина... не припомню.

– А имя Шопен вам ничего не говорит? – немного помедлив, выговорила Полина и уставила тяжелый взгляд широко распахнутых глаз в лицо Свиридова.

Владимир вздрогнул: он понял, кого имела в виду Полина Знаменская...

Речь, разумеется, шла не о великом польском композиторе, чей «Траурный марш» совсем недавно так вольно переиначил Фокин, играя на кларнете.

Кодовое имя Шопен и позывные ИФ-18 принадлежали штатной единице спецотдела «Капелла» – одному из четырнадцати прекрасно обученных и практически неуязвимых элитных офицеров спецназа ГРУ.

Перед глазами Владимира, как на экране компьютера,

возникло широкое лицо черноволосого некрасивого человека с широко расставленными небольшими глазами, высоким лбом и жесткой складкой узких, плотно сжатых губ. Так вот, значит, как звали тебя по паспорту, Шопен, – Роман Знаменский...

По секретному уставу «Капеллы» ее единицы не должны были знать настоящих имен друг друга. Им давалось определенное кодовое имя, и офицер работал в отделе исключительно под ним.

Все подчиненные полковника Платонова, завязанного меломана и поклонника классической музыки, знали его маленькую слабость – давать офицерам отдела кодовые обозначения, имеющие самое прямое отношение к музыке. Офицеры бывшей контрразведки, составлявшие элитное подразделение «Капелла», носили наименования «Бетховен», «Шопен», «Глинка», «Штраус» и тому подобные.

Они знали друг друга исключительно по этим прозвищам и не подозревали, как кого зовут на самом деле. Так, под именем агента Вагнера скрывалась персона лучшего друга Свиридова Афанасия Фокина.

Да и сама спецгруппа носила явно музыкальное название, а полковник Платонов проходил в соответствующих сферах под именами «Дирижер» или «Скрябин».

Кстати, единственный, кто имел не музыкальное кодовое имя, был лучший офицер отдела – Владимир Свиридов.

Он работал под таким историческо-астрологическим именем «Стрелец».

Свиридов посмотрел на все еще не отрывающую от него пристального взгляда Полину и неожиданно произнес – совершенно безотносительно к разговору:

– У вас очень опасные глаза, Полина. Вам никто не говорил, что за такие глаза раньше сжигали на кострах?

– Что вы имеете в виду, Владимир? – холодно спросила она.

– Инквизиция точно приняла бы вас за ведьму. Вот что я имею в виду.

Она улыбнулась:

– Разве я такая страшная?

– Вы думаете, ведьмы были страшными, безобразными, всклокоченными старухами? О нет. Преимущественно они являлись красивыми молодыми женщинами. И очень часто – не в меру красивыми. Ну, хорошо. Мы отвлеклись от темы... Значит, ваш брат – бывший агент отдела ГРУ «Капелла»? – медленно спросил он и вопросительно посмотрел на Афанасия.

По своей форме вопрос был адресован Полине, но по сути предназначался Фокину. Он и ответил:

– Да, Роман – наш бывший коллега. До этого работал заместителем финдиректора «Астрал-банка». Теперь к нему перешел значительный пакет акций структур, возглавлявших-

ся его отцом, Валерием Ивановичем, и буквально вчера совет директоров концерна утвердил его своим главой.

– Я до сих пор не могу понять, как погибли Кириллов и папа, – сказала Полина. – Дело в том, что деятели из прокуратуры, ведущие расследование, только разводят руками. дескать, сделано настолько чисто, что ни к чему не придерешься. Работал профессионал. И еще... – Полина склонилась к столику, взяла апельсин и, качнув его на руке, проговорила: – Рома упорно твердит, что это не простые убийства. Что он чувствует за всем этим руку его старых боссов. Руку разведслужб...

– Но вам известно, что «Капеллу» расформировали много лет назад... в конце девяносто третьего года, вскоре после расстрела Белого дома? – строго спросил Владимир.

Он не любил говорить о «Капелле» и о своем прошлом. И потому, когда его вынуждали затрагивать эти табуированные темы, держался сдержанно и сухо.

Полина почувствовала это. Ответ ее был максимально краток:

– Да, известно.

– Значит, Роман подозревает в причастности к убийству вашего отца и его компаньона нынешние спецслужбы?

– Возможно.

– Выслушай ее, Володя, – быстро проговорил Фокин.

Свиридов посмотрел на Афанасия, потом на Илью.

– Я слушаю... Полина, – тяжело вздохнув, произнес он.

И братья Свиридовы выслушали историю Полины Знаменской, тем более что, если судить по взволнованному лицу Фокина, это касалось его очень близко.

Глава 3

Нижегородский апокалипсис

Валерий Иванович Знаменский, по утверждению его дочери Полины, являлся одним из наиболее влиятельных бизнесменов Нижнего Новгорода и области. В самом деле, фирма с пышным претенциозным названием «Элизеум» являлась крупным холдингом, контролировавшим ряд промышленных и торговых предприятий.

Фирма «Элизеум» представляла собой мощную экономическую структуру, включающую в себя торговый дом, банк, ряд крупных риэлторских контор, весьма значительную разветвленную сеть магазинов, а также достаточно существенное число более мелких из крупных предприятий, так или иначе контролируемых возглавляемым Знаменским и Кирилловым концерном, то есть подотчетных или самим боссам лично, или номинальным главам этих фирм, являвшихся подставными лицами и в конечном итоге марионетками в руках вышеупомянутых воротил нижегородского бизнеса.

Так что их богатство, влияние и политическо-финансовый вес (оба были членами областной Думы и крупными акционерами ряда нефтяных компаний) могли стать предметом зависти и неприязни, что в конечном итоге и сослужило дурную службу Валерию Ивановичу и Ивану Андреевичу.

Кириллов был убит прямо в ночном клубе, где он и его люди любили отдыхать, расслабляясь после утомительных трудов. Клуб был либерального толка – культивировалось стрип-шоу и оказание интимных услуг, а так как клуб «Хамелеон» и принадлежал «Элизеуму», то Иван Андреевич, никогда не стеснявший себя строгой моралью, редко упускал возможность посетить его.

Где, как говорят, устраивал оргии, на которых употреблял кокаин и занимался групповым сексом.

А убили его прямо в объятиях его любимой дамы легкого поведения. Убийца проник в номер и отработал Кириллова выстрелом в затылок.

Выстрел прозвучал в тот самый момент, когда усиленно ублагодворявший девушку прямо на столе совладелец «Элизеума» испытывал оргазм.

И проститутку вовсе не удивило то, что любовник внезапно задрожал, а потом, на секунду застыв в воздухе, рухнул на нее всем телом.

Иногда он вел себя так и раньше.

То, что произошло на самом деле, дошло до нее гораздо позже: после того, как несколько минут он не шевелился и не говорил.

Самый термоядерный оргазм способен лишить мужчину способности передвижения и дара речи максимум на минуту-полторы.

Но он при этом дышит.

После того как на место приехали компетентные органы, эксперты заявили, что проникнуть в номер киллер мог только по абсолютно вертикальной стене совершенно без выступов, без карнизов и уж тем более без банальной лестницы на случай пожара.

Впрочем, окно было открыто, но никаких следов или отпечатков пальцев на нем не оказалось.

Зато прямо под окном нашли убитого охранника автостоянки. Ему сломали шею. Судя по тому, что никаких других повреждений или следов борьбы на его теле не оказалось, сделали вывод, что схватка была мгновенной: охранник сразу оказался в роли жертвы.

Похороны Кириллова, как то водится, состоялись на третий день. На них было очень много народу – несколько сотен. Отпевание происходило в одном из самых величественных храмов города и было очень пышным.

Как вспоминает Полина, некоторые из сидящих на паперти нищих огребли по целому состоянию: коллеги и родственники покойного не скупилась.

И тут же, в храме, произошло страшное: компаньон Ивана Кириллова, второй из отцов-основателей и владельцев «Элизеума», Валерий Знаменский упал замертво прямо на ступенях алтаря.

Все присутствующие онемели: шок был опустошающим и жутким. На фоне последних событий все восприняли это как нечто мистическое.

Ближайшие родственники и личный врач Знаменского знали его как очень здорового, спокойного и уравновешенного человека, сохранившего свое тело, нервы и мозг от разрушающего воздействия жизни, всегда выдерживавшего режим и не позволявшего себе – в отличие от компаньона – злоупотреблять алкоголем, табаком и общением с женщинами. Особенно – легкого поведения.

Сын Знаменского Роман тут же велел отвезти отца в больницу и сам поехал вместе с ним.

Врачи безапелляционно констатировали смерть от внезапной остановки сердца.

И тогда Роман велел произвести вскрытие. Тут же. Без секунды промедления.

В результате вскрытия было установлено наличие в организме достаточно редкого препарата, используемого в хирургии, – тубарина. Кроме того, при тщательном исследовании обнаружили на бедре тончайший прокол, сделанный миниатюрной иглой. То, что удалось обнаружить тубарин и прокол, по мнению личного врача Знаменского Бориса Шевцова, – огромное везение. Потому что компоненты препарата рассасываются в организме через сорок минут после введения, и идентифицировать тубарин потом очень сложно.

При поверхностном исследовании в качестве причины смерти могут назвать инфаркт, а при более оперативном и тщательном – СВС, или так называемый «синдром внезапной смерти», встречающийся обычно у младенцев, но ино-

гда поражающий и взрослых.

Если бы вскрытие было произведено на десять или даже пять минут позже, утверждал Шевцов, никаких посторонних веществ в организме Валерия Ивановича обнаружить бы уже не удалось.

Роман Знаменский – бывший высококлассный специалист разведывательных структур – после такого вердикта без труда назвал орудие смерти. Это миниатюрный шприц-автомат, который буквально на доли секунды прижали к ноге Валерия Ивановича, – и смерть не заставила себя долго ждать.

Валерия Знаменского убили не менее изощренно и виртуозно, чем его компаньона, на чьи похороны он пришел, чтобы умереть сам.

– А потом брат стал получать угрозы, – продолжала Полина. – Ему звонили и говорили, чтобы он немедленно отошел от дел, если не хочет разделить судьбу своего отца и его компаньона. Присылали факсы. Просто оставляли записки. Причем в самых неожиданных местах. Например, в доме Романа – прямо на прикроватной тумбочке. Афанасий хотел разобраться со всем этим... еле сам ноги унес.

– Еле сам ноги унес? – переспросил Свиридов. – То есть убийцы в принципе уже известны? По крайней мере, есть определенные предположения? Я имею в виду... помимо этого абстрактного предположения о руке спецслужбы.

– Ну да, конечно, – сказала Полина. – Кое-что имеется.

– Там, как и тут, есть много нехороших молодых людей,

промышляющих если не разбоем, то чем-то с этим смежным, – вмешался Фокин. – Ну так вот... есть там один такой Толя Виноградов по прозвищу Винни. Редкий ублюдок. В свое время у него были серьезные проблемы с «Элизеумом», он едва не обанкротился, потом выплыл... Последнее же недоразумение связано с акциями одной нефтяной компании, пакет акций которой у него буквально из-под носа увели представители Знаменского. В общем, этот Винни... он крепко впаян, как ты любишь выражаться, Владимир, в структурную схему нижегородского криминала. Не вор в законе, но контактирует с таковыми, еще советского производства, и в большинстве своем – кавказцами. Точнее – есть два кавказца.

– Гизо и Анзор, – подала голос Полина.

Свиридов сидел неподвижно, изредка лишь постукивая пальцем по поверхности столика. После того как Фокин замолчал, он медленно, внушительно проговорил:

– Знаешь что, Афоня... пойдем поговорим на кухню. Вы уж меня извините, Полина, – обернулся он к молодой женщине, – но в подобном деле могут быть нюансы, о которых вам лучше не знать.

– Но это же касается непосредственно меня... – начала было та, но Владимир не стал слушать, а только вежливо улыбнулся и кивнул Фокину в сторону кухни.

Полина пожала плечами и надула губки. Афанасий, заметив это, наклонился к ее уху и негромко проговорил:

– Он всегда знает, что делает. В конце концов... ты мне доверяешь?

– Да, конечно!

– Так вот, а я ему доверяю, как себе... Нет, больше, чем себе. Ты еще не знаешь Володьку.

– А в залог я оставляю вам моего брата, – сказал молодой женщине Свиридов, который прекрасно слышал все, что сказал Фокин. – Он не даст вам скучать, пока мы будем отсутствовать.

Илюха задумчиво кивнул...

* * *

– Прежде всего скажи мне, с какой целью ты пришел сюда и притащил эту милую даму, – проговорил Владимир. – Я полагаю, ты хочешь, чтобы я поехал с тобой в Нижний...

– Этого хочу не только я... Этого хочет Знаменский и этого хочет Полина.

– Полина... – задумчиво протянул Свиридов. – Опасная дама.

– В смысле? – насупился Фокин.

– В смысле – опасная для мужиков, – уточнил Свиридов. – Уж на что ты у нас перекасти-поле, а и то к ней прикипел. И не думай протестовать, я прекрасно все вижу. И вообще, Афоня... если ты ее любишь, то я рад за тебя.

Афанасий улыбнулся.

– Ну... возможно, мне действительно хорошо с ней... впрочем, что я говорю... мне очень хорошо с ней, ни с одной бабой так не было. Но только этот дамоклов меч над ее семьей... Я иногда начинаю думать, что это все из-за меня. Нет... не в прямом смысле, а просто по какому-то божественному наитию.

– Ты заговорил о боге?

Фокин налил водки себе и Свиридову, они выпили, закусили, и Афанасий продолжил:

– Ведь это обрушилось на ее семью... после того, как я с ней познакомился. А познакомился я с ней всего лишь две недели назад. Четырнадцать дней... И вот – десять дней тому назад убит компаньон ее отца. Семь дней тому назад, на похоронах Кириллова, – уже сам Валерий Иванович. И вот теперь угрозы по адресу Романа, ее брата. Нашего с тобой бывшего собрата по оружию. И по крови.

– Ну да... по крови жертв, пролитой нами вместе с Романом, – задумчиво проговорил Свиридов. – Ладно. Не бери в голову, Афоня. Ты хочешь, чтобы я помог тебе?

– Роман предлагает тебе огромные деньги. Первоначально он хотел предложить их мне, но Полина запротестовала. Она сказала, что не хочет, чтобы еще один дорогой ей человек был подвержен таким опасностям.

– Значит... эта Полина знает, кто я такой? – спросил Свиридов.

– Да... то есть нет. То есть она, конечно, знает, что ты, как

и я, как и ее брат, работал в «Капелле» у Платонова, что ты специалист экстра-класса и лучший из всех четырнадцати, что были в нашем отделе. Но то, чем ты занимаешься сейчас... нет, она не знает.

– Ну хорошо. А что Знаменский... он же ведь тоже проходил ту же школу, что я и ты... Он что, не может обезопасить себя с достаточной...

– Если ты говоришь о личных его качествах, – перебил Фокин, – то сейчас он совсем не тот, что был в «Капелле». У него были прострелены оба легких, и теперь он не выносит больших нагрузок – задыхается. Кроме того, там еще какие-то проблемы со здоровьем. Да ты увидишь его сам – поймешь. У него на лице все написано.

– Та-ак, – протянул Свиридов. – Но ведь главная сила – не в мускулах, а в мозгах. Так ведь нас учил полковник Платонов? Значит, ты говоришь, что началось с твоего знакомства с Полиной Знаменской? А как оно произошло, это знакомство?

– Ну... ты же знаешь, у меня все из ряда вон... – скромно ухмыльнулся Фокин и с хрустом откусил грушу. – Это было в церкви... во время вечернего богослужения. Ты же знаешь, я теперь диакон, разжаловали, как говорится... Так вот, идет служба, отец Аристарх басит что-то там, я тоже поддакиваю... ну, да чего там тебя вводить в тонкости всех этих литургических штучек...

– Сколько ты перед этим выпил? – насмешливо спросил

Владимир.

– Нисколько, – серьезно ответил нижегородский пастырь. – В том-то все и дело, что нисколько. Так вот, служба уже подходит к концу, и вдруг я натыкаюсь взглядом на нее... на Полину. Даже не могу сказать, как это было... Ты же знаешь, Володька, я всегда насмехался над всякими там любовями с первого взгляда, но тут даже не любовь, а так... удар грома. Меня словно притянуло к ней... – И Афанасий, вероятно, не сумев подобрать слов для описания того, что происходило с ним во время того памятного богослужения, неожиданно выругался и выпил полстакана водки.

– Ну?

– А что – ну? Черт его разберет, но только мне кажется, что это какая-то пантомима, разыгранная кем-то свыше... чтобы я с ней встретился и познакомился. Понимаешь, как в дешевых голливудских боевиках... к ней докопались несколько забавных таких хлопцев ублюдочного вида. Вероятно, завалили в храм по заговору. Ну, стали че-то там ей зачехлять... лапать. Я сам лично знал таких болванов, которые в церковь ходили телок снимать. Естественно, под наркотой. Как будто других, более рыбных мест мало. Ну вот... тут литургия кончилась, и я прямо к ней через весь храм. Ее к тому времени уже едва ли не в мешок упаковывали. Ну, я подошел и спросил: что это вы тут, нечестивцы, вытворяете в святом храме? Она рванулась ко мне, говорит: скажите им, святой отец! Типа с богом поговорить не дают!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.